

СЮЖЕТЫ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ

В. В. Ефимова

КТО И КОГДА СДЕЛАЛ КАРЕЛОВ «ИНОРОДЦАМИ»?*

УДК 39(470.2)

ББК 63.521(=661)

В статье уточняются хронологические рамки формального «размывания» термина «инородцы», предложенные Джоном Слокумом, который полагает, что этот процесс начался с отнесения в 1835 г. к «инородцам» евреев и продолжился в 1860-х гг. в связи с деятельностью в Волго-Уральском регионе педагога Н. И. Ильминского. Автор, соглашаясь только с 1-й частью утверждения, считает, что дальнейшее «размывание» термина «инородцы» продолжилось уже в 1840-х гг. Для доказательства этого тезиса на примере карелов Олонецкой губернии показывается, кто и когда причислил их к «инородцам». В результате сделаны следующие выводы: 1) карелы никогда по формально-юридическим критериям не могли быть отнесены к «инородцам»; 2) это сделал в начале 1840-х гг. чиновник Министерства государственных имуществ академик Петр Иванович Кёппен, собиравший в это время материал для составления первой в истории Российской империи этнографической карты; 3) для этого он использовал все доступные ему по службе каналы — Министерства внутренних дел, народного просвещения и государственных имуществ, Академию наук, Русское географическое общество; 4) именно Кёппен (а не Ильминский) «запустил» в делопроизводительную переписку министерств и учреждений «великорусских губерний» термин «инородцы», при этом главным критерием отнесения нерусских народов к таковым был для него язык.

Ключевые слова: *инородцы, карелы Олонецкой губернии, П. И. Кёппен, формуляр годового отчета*

На мысль написать данную статью меня натолкнула публикация Джона Слокума «Кто и когда были “инородцами”? Эволюция категории “чужие” в Российской империи». Автор полагает, что следует четко разделять формальное и неформальное использование термина, что формальное «размывание» термина в 1835 г. началось с отнесения к «инородцам» евреев и продолжилось в 1860-х гг. в связи с деятельностью в Волго-Уральском регионе педагога Н. И. Ильминского. Слокум пишет: «Обозначение коренных жителей Поволжья как инородцев в законах об образовании и в министерской переписке, кажется, можно наилучшим образом интерпретировать как вторжение в формальный правительственный обиход широкого, неофициального значения термина “инородцы” (нехристианские народы, восточные “чужаки”)».¹ Вслед за Робертом

Джераси я не во всем согласна с таким утверждением. Случай с евреями особый, и причины, по которым их стали относить к “инородцам”, объяснил сам Слокум. Джераси же обратил внимание на то, что в академической науке этот термин был употребим уже в начале XIX в. и в качестве доказательства сослался на наличие его в изданном Академией наук в это время словаре, но при этом он не привел его толкование.² Согласно же словарю, «инородец» — это «чужеземец, иноплеменник, инородный».³ Однако в этом определении, в отличие от данного Слокумом, отсутствуют религиозный и восточный концепты. Я также считаю, что Слокум не прав, когда утверждает, что первым ввел в министерскую переписку термин «инородцы», применив его к поволжским народам, педагог Н. И. Ильминский.

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что первым использовал термин «инородцы» в широком значении статистик Министерства внутренних дел Петр Иванович Кёппен (1793–1864), который стал применять этот термин

¹ Слокум Дж. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М.,

Ефимова Виктория Викторовна — к.ю.н., доцент, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск)
E-mail: : efimova1870@rambler.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Мин-общины России в рамках проектной научной деятельности № 33.1162. 2014/К

2005. С. 502–534. Это перевод написанной статьи «Who, and When, Were the Inorodtsy?» (См.: The Evolution of the Category of Aliens in Imperial Russian Review. 1998. Т. 57, № 2. Р. 173–190).

² См.: Джераси Р. Окно в Европу: империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. С. 51, 439.

³ Словарь Академии наук Российской по азбучному порядку расположений. Ч. 2. Д–К. СПб., 1809. Ст. 1152.

в своей переписке с центральными и местными органами управления с 1840 г., когда приступил к сбору сведений для создания первой этнографической карты Российской империи. При этом основным критерием причисления того или иного народа к «инородцам» для него был язык.

«Инородцы» де-юре

Согласно «Уставу об управлении инородцами» 1822 г.⁴ ими признавались все обитающие в Сибири «инородные племена, именуемые поныне ясачными». В основу причисления народов к «инородцам» были положены 2 критерия: 1) «степень гражданского их образования» и 2) «настоящий образ жизни», основанный на главном их промысле, составляющем основной способ их пропитания (§ 1, 11). Все «инородцы» были разделены на 3 разряда. К «оседлым инородцам» были отнесены те, кто занимался торговлей, промыслами или земледелием. Они были приравнены в правах к россиянам, и на них распространялись все общие законы, как в отношении прав и обязанностей, так и в отношении системы управления. При этом была сделана интересная оговорка, что «оседлые инородцы, христианскую веру исповедующие, не отличаются от россиян никаким особым названием, те же из них, кои исповедуют языческую или магометанскую веру, для различия от прочих именуются оседлыми иноверцами» (§ 12). Проживавшие в деревнях считались государственными крестьянами (§ 17). Единственное их отличие от крестьян европейской части Российской империи состояло в том, что они были освобождены от рекрутской повинности (§ 18). «Кочевые и бродячие инородцы» были оставлены «на прежних их правах», т. е. у них сохранялась существовавшая до Устава 1822 г. система управления и суда, а также религия. Судились они (за исключением перечисленных в Уставе составов уголовных преступлений) на основе своего обычного права (§ 25, 29, 34, 36, 37, 53, 56).

В 1830-е гг. начался процесс расширения круга народов, причисляемых к «инородцам». Уже при издании высочайше утвержденного в 1832 г. свода законов Российской империи к «инородцам» в т. 2 были причислены кочевые племена Кавказской области и губерний Астраханской, Таврической и Оренбургской,

а в т. 9 — евреи. В 1835 г. Устав 1822 г. был распространен на самоедов Архангельской губернии.⁵ В 1842 г., при переиздании свода законов Российской империи, к «инородцам» в т. 2 были добавлены «киргизы Внутренней и Малой Орды». Казалось бы, можно смело заявить о том, что уже с середины 1830-х гг. сам законодатель стал применять термин «инородцы» к народам, проживавшим не только в Сибири, но и в пределах «великорусских» губерний (например, Архангельской губернии). Но при этом заметим, что применялся этот термин пока исключительно к кочевым и бродячим племенам». Не случайно в своей аргументации необходимости обратить статус «инородцев» на самоедов, проживающих в Мезенском уезде Архангельской губернии, местная администрация в начале 1830-х гг. упорно подчеркивала, что они «постоянных мест для пребывания своего» не имеют и «обитают в обширнейших тундрах, таких же, какие занимают соседственные с ними обитатели Сибири ясачные, подобные им во всем».⁶

Таким образом, на начало 1840-х гг. законодатель не относил карелов к «инородцам». Все они вели оседлый образ жизни и в большинстве своем проживали в деревнях. Их «русскость» усиливали еще два обстоятельства: в XIII в. (если не ранее) карелы стали христианами,⁷ и никогда — ни до, ни после 1840 г. — их не освобождали от рекрутства.

Как и когда карелы стали «инородцами»

Безусловно, история карелов как этноса в первой половине XIX в. освещена в работах современных исследователей достаточно всесторонне.⁸ Но никто из них не задавался вопросом о том, кто и когда причислил карелов к «инородцам». Не ставила перед собой такой задачи и О. А. Красникова, подробно исследовавшая,

⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: в 55 т. СПб., 1835. Т. 10. № 8071.

⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1240. Л. 44.

⁷ Киркин Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 26, 27.

⁸ См., напр.: Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. (Раздел Карелы); Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск, 2006; Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы. Петрозаводск, 2010; Пулькин М. В. Языковеды в рясах: православные священники в роли исследователей языков коренных народов Европейского Севера России (XIX — нач. XX в.) // Этно-журнал // URL: <http://www.ethnonet.ru/etnografiya/jazykovedy-v-rjasah-pravoslavnye-svjashhenniki-v/> (дата обращения: 23.12.2015); Калинина Е. А. Об обучении инородцев в русских школах 1-й пол. XIX в. // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Петрозаводск, 2014. С. 346–349.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: в 45 т. СПб., 1830. Т. 38. № 29126.

под влиянием каких обстоятельств у П. И. Кёппена зародился замысел составить первую в истории Российской империи этнографическую карту и как она, собственно, создавалась.⁹

Для того чтобы более четко представить, какие каналы информации использовал П. И. Кёппен в своей работе над этнографической картой, обратим внимание на возможности, которые ему предоставляла гражданская служба. Первым таким каналом стало Министерство внутренних дел, где П. И. Кёппен служил с 1814 по 1838 гг. Как считает В. М. Кабузан, огромное влияние на его будущую служебную и научную специализацию оказал начальник Статистического отделения МВД К. Ф. Герман, который первым в 1819 г. предпринял попытку описать этнический состав Российской империи. Понимая всю неточность приведенных им данных, Герман указал и на причину этого: русское правительство никогда не требовало от начальников губерний подробных сведений о населяющих подведомственные им территории народностях (исключение составляла Сибирь, где такие данные собирались для учета ясака). В представленных же директору Департамента полиции МВД 19 октября 1828 г. «Объяснениях на вопросы г. Арсеньева»¹⁰ он отметил и причину отсутствия такого интереса: «Правительство русское считает народы за детей, живущих по одним законам, но никогда не приказывало делать исчисления по народам и даже старалось по возможности истребить народные различия...»¹¹

О. А. Красникова полагает, что главным толчком к сбору сведений о национальном составе населения империи для Кёппена стало полученное от министра внутренних дел

Д. Н. Блудова в 1830-е гг. задание составить списки населенных мест Российской империи на основе 8-й ревизии.¹² Заметим, что это поручение адресовано именно Кёппену не случайно. В 1835 г., он, будучи «коллежским советником по Министерству внутренних дел», составил список селений Таврической губернии и стал «корреспондентом статистического отделения» МВД, а в январе 1837 г., с согласия министра Блудова, был избран адъюнктом Академии наук «по части статистики и политической экономии». В представлении Академии к министру народного просвещения на избрание Кёппена в эту должность подчеркивалось, что он «родом русской», а «связь и служба по Министерству внутренних дел» дают ему «нужнейшие и вернейшие материалы для дальнейших изысканий и трудов по вверенной ему части».¹³ Впрочем я полагаю, что составление списка населенных мест империи было лишь частью обширного задания обобщить итоги 8-й ревизии. Результаты выполнения этого задания Кёппен отразил в нескольких публикациях начала 1840-х гг.¹⁴

Новыми каналами информации для П. И. Кёппена после 1824 г. становятся Министерство народного просвещения (МНП) и Императорская Академия наук. В МНП по протекции графа Н. П. Румянцева он состоял чиновником по особым поручениям при министре А. С. Шишкове. Во время службы, как сам Кёппен считал нужным подчеркнуть в своей «Автобиографической записке», он пользовался благосклонностью не только следующего министра просвещения К. А. Ливена, но и министра внутренних дел Д. Н. Блудова, а также М. М. Сперанского, которому традиционно приписывают авторство «Устава об управлении инородцами».¹⁵ Служба Кёппена по МНП не прерывалась вплоть до его смерти (Академия наук числилась одним из подразделений МНП). Его карьера в Академии наук была также успешной: в 1826 г. он стал ее членом-корреспондентом, в 1837 г. — адъюнктом, в 1839 г. — экстраординарным академиком, в 1843 г. — ординарным академиком.

⁹ См.: Красникова О. А. Из истории создания этнографической карты Европейской России // Из истории Санкт-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 84–96; Она же. Основные направления развития этнического картографирования в России // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX вв. Тарту, 2011. С. 29–60.

¹⁰ См.: Имелся в виду К. И. Арсеньев, автор изданного в 1818–1819 гг. в двух частях «Начертания статистики Российского государства», где давались лишь общие сведения о численном составе населения без разделения его «на племена». В конце 1820-х гг. по его просьбе Николай I поручил МВД собрать новейшие статистические материалы по Российской империи для преподавания наследнику престола великому князю Александру Николаевичу. Впрочем, как можно понять из архивного дела, запрос к олонекскому губернатору вновь делался лишь об общей численности населения. Ответ, например, из Олонекской губернии был представлен в МВД в сентябре 1829 г. (см.: Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 4. Оп. 44. Д. 66/635).

¹¹ Цит. по: Кабузан В. М. Народы России в 1-й пол. XIX в.: численность и этнический состав. М., 1992. С. 6.

¹² См.: Красникова О. А. Основные направления... С. 44.

¹³ Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1911. Т. 89, № 5. С. 168, 169.

¹⁴ См.: Кёппен П. Общее народонаселение России в 1838 г. СПб., 1840; Он же. О числе жителей в России в 1838 г. СПб., 1840; Он же. О городах Российской империи. СПб., 1841.

¹⁵ См.: Кёппен П. И. Автобиографическая записка // Юбилей П. И. Кёппена. СПб., 1859. С. 7.

Четвертым каналом информации для П. И. Кёппена стало Министерство государственных имуществ (МГИ), куда в 1838 г. он перешел служить в качестве начальника 2-го отделения III Департамента.¹⁶ В 1841 г. он становится членом Ученого комитета МГИ.¹⁷ Особо подчеркнем, что эта должность позволяла ему обращаться к главам местных органов министерства — председателям палат госимуществ. Следует также помнить, что на начало 1840-х гг. МГИ обладало самой точной информацией о численности государственных крестьян, так как при передаче в его ведение этой категории крестьянства была проведена масштабная ревизия всего государственного имущества, включая крестьян.¹⁸

С 1845 г. для П. И. Кёппена открылся пятый канал информации — Русское географическое общество (РГО), одним из учредителей которого он был. Закономерно, что в РГО он стал «председательствующим в отделении статистики». Этнографическое же отделение РГО возглавлял с 1845 по 1848 гг. академик К. М. Бэр, чье научное кредо состояло в следующем: необходимо срочно собирать материалы о населяющих империю народах, так как «впоследствии распространения просвещения народы исчезают, и остаются одни имена их».¹⁹ Поэтому летом 1846 г. по поручению РГО и Академии наук академики А. М. Шёгрэн и П. И. Кёппен отправляются в регионы России (первый — в Лифляндию и Курляндию, второй — в Казанскую и Вятскую губернии для изучения ливов, кривингов, мордвы и вотяков).²⁰

Для понимания того, насколько термин «инородцы» был в 1820–1840-е гг. «на слуху», напомним: после принятия в 1822 г. «Устава об управлении инородцами» в Сибири работала Вторая ясачная комиссия (1827–1835 гг.); в 1834–1835 гг. в правительстве обсуждался проект «Устава об управлении самоедами Мезенского уезда»; в 1838–1841 гг. во II Отделе-

нии Собственной его императорского величества канцелярии шла работа по составлению «Свода степных законов» (т. е. свода обычного права инородцев Сибири), который, впрочем, не был одобрен в Государственном совете.²¹

Первый, правда опосредованный, контакт с олонеккой губернской администрацией у П. И. Кёппена произошел в 1840 г. 18 ноября он обратился в Конференцию Академии наук со следующей просьбой, которую воспроизведем, чтобы доказать нашу гипотезу, более полно, нежели это сделала О. А. Красникова. Итак, Кёппен писал: «Поступающие в Императорскую академию наук разыскания о разных обитающих в России народах бывают нередко сопровождаемы показаниями о числе жителей из инородцев. Для поверки этих показаний нет у нас никаких данных; между тем же оставлять оные без внимания было бы непроситительно». Далее, сообщив, что он лично убедился при сборе таких сведений «нынешним летом»²² в том, что это «есть дело не слишком трудное», Кёппен выражал надежду на то, что «гражданские губернаторы охотно исполнят желание Академии наук, если от них потребуются указать в ведомости о числе всех не-русских жителей каждого уезда. Списки казенных селений с показанием находящихся в них душ мужского и женского пола губернаторы могут получить из Палат госимуществ, о прочих же (удельных, помещичьих, заводских и других) селениях, обитаемых инородцами, сведения могут быть собраны чрез земских исправников». В заключение он просил Академию снасть по этому поводу с губернаторами олонекким, архангельским, вологодским, казанским, вятским, пермским, оренбургским, симбирским, пензенским, тамбовским и рязанским.²³

Запрос к олонеккому губернатору на официальном бланке Академии наук по ведомству МНП был датирован 7 декабря 1840 г. К нему обращались с просьбой «о доставлении по уездных (с разделением на народы) списков инородческим селениям казенного, удельного, помещичьего и всякого иного ведомства, с показанием при каждом из них числа душ

¹⁶ К сожалению, О. Красникова ошиблась, полагая, что П. И. Кёппен возглавлял III Департамент МГИ. 2-е отделение ведало поощрением и развитием сельского хозяйства и распространением сельскохозяйственных знаний (см.: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1840 г.: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1840. С. 787).

¹⁷ См.: Кёппен П. И. Автобиографическая записка... С. 14; Кабузан В. М. Народы России... С. 70.

¹⁸ См.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: в 2 т. Т. 1: Предпосылки и сущность реформы. М.; Л., 1946. С. 289, 290, 311.

¹⁹ История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. Ч. 1. СПб., 1896. С. 5, 6, 36–38; Загребин А. Е. Указ. соч. С. 175, 188.

²⁰ См.: Красникова О. А. Из истории... С. 87.

²¹ См.: Авдеева О. А. Судебная система Восточной Сибири в XVII — 1-й половине XIX в.: сравнительный анализ общеперского и регионального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 177–181; Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 109, 110.

²² Летом 1840 г. Кёппен посетил Новгородскую, Ярославскую, Костромскую, Владимирскую и Московскую губернии (см.: Красникова О. А. Из истории... С. 87).

²³ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук (далее СПФААН). Ф. 2. Оп. 1-1840. Д. 4. Л. 1.

мужского и женского пола».²⁴ Я считаю, что именно этим документом и был впервые «запущен» в делопроизводственный оборот министерских и губернских присутственных мест термин «инородцы». Однако бывший тогда олонецким губернатором Х. Х. Повало-Швейковский уже 22 декабря 1840 г. ответил, что «в Олонецкой губернии ни в одном уезде инородческих селений и инородцев не имеется».²⁵ Столь несвойственный делопроизводственной практике того времени молниеносный ответ можно объяснить так: губернатор запросов никому не делал, а решил ответить сам. Прослужив до этого 4 года в Сибири в должности тобольского губернатора, он прекрасно знал, к кому относится этот термин.

2 марта 1842 г. П. И. Кёппен вновь употребил термин «инородцы» в официальной переписке и снова применил его ко всем неславянским народам, независимо от их места проживания и образа жизни. На этот раз он поддержал инициативу академиков Х. Д. Френе и Ф. Б. Грефе, обратившихся к Общему собранию Академии наук с предложением ввести должность одного ординарного профессора и одного адъюнкта для изучения «таких племен и народов, которые стоят на низшей ступени образованности и, следовательно, не имеют своих письмен и литературы». Уточним еще раз: сами академики в своем предложении термин «инородцы» не использовали, речь шла о «неславянском народонаселении». В качестве кандидата на должность профессора предлагался А. М. Шёгрэн. Тут же прилагался составленный им список «неславянских племен и народов», которые были разбиты на 14 групп. К южной части «чудского племени» (у Шёгрена это 3-я группа) были отнесены «финны с карелами, олончанами и чудью, эстами и ливами».

Вот как начинал свое мнение относительно этого предложения П. И. Кёппен: «В доставленной ко мне 12 февраля копии с предложения ак. Френе и Грефе о необходимости усилить исследования о языках инородцев, проживающих в России...», и вот как завершал: «Среди русских, скажут нам, обитает бесчисленное множество разных инородцев,

россияне всех их образованнее, кому же как не Русским предлежит долг сохранить для истории память о быте и языке этих народов? Вопрос, как и с каким числом академиков приступить к делу...»²⁶ Кёппен предлагал «на первый раз» назначить двух человек для изучения языков северной и восточной России и двух — для изучения кавказских языков. Впрочем в итоговом представлении к Николаю I министр народного просвещения граф С. С. Уваров оперировал термином «народы неславянского племени». В декабре 1844 г. царь утвердил новую штатную единицу ординарного профессора и кандидатуру Шёгрена.²⁷

Логично предположить, что мнение от 2 марта 1842 г. побудило Кёппена 8 апреля еще раз обратиться в Конференцию Академии наук с просьбой повторить ее запрос от 7 декабря 1840 г. к некоторым губернаторам (в том числе к олонецкому). Но Академия сочла это делать преждевременным.²⁸ Думаю, что она прекрасно знала, сколь неторопливым был «ход дел» в государственных учреждениях.

В третий раз Кёппен решился потревожить Конференцию по поводу карелов Олонецкой губернии почти 4 года спустя. 13 февраля 1846 г. он «покорнейше» просил ее «снестись с олонецким губернатором о доставлении поездных списков селений, обитаемых нерусскими жителями, как-то: карелами, чухнами, олончанами, финнами, — с присовокуплением показаний о числе душ каждого селения мужского и женского пола по последней ревизии».²⁹ И хотя на этот раз Кёппен не стал использовать термин «инородцы», однако это за него сделала Академия, напомнив в своем запросе от 19 марта 1846 г. к губернатору Х. Х. Повало-Швейковскому текст своего запроса от 7 декабря 1840 г. и его ответ от 22 декабря 1840 г.³⁰ При этом подчеркивалось, что «из прочих губерний» ею уже получены «удовлетворительные ведомости сего рода». Имелись в виду доставленные в 1841–1844 гг. сведения от губернаторов Вятской губернии

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же; НА РК. Ф. 36. Д. 67/26. Л. 1. К сожалению, А. М. Пашков оказался дважды неточен в своем описании этих событий, указав, что запрос от имени Академии наук сделал сам П. И. Кёппен, а отправлен он был в губернию в марте 1840 г. В результате им был сделан вывод, что сведения собирались полгода (Пашков А. М. Указ. соч. С. 110).

²⁶ Из-за ограниченного объема статьи я не могу процитировать полностью это замечательное по своей патристичности мнение и поэтому отсылаю к его более полному изложению (см.: Хартанович М. Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX века. СПб., 1999. С. 122–126).

²⁷ СПФААН. Ф. 2. Оп. 1-1842. Д. 3. Л. 6, 7, 10об., 11, 23, 23об., 41; Извлечение из отчета по I и III отделению Императорской Академии наук, читанные 29 декабря 1844 // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1845. Ч. 45. С. 71, 72; Загребин А. Е. Указ. соч. С. 206.

²⁸ СПФААН. Ф. 2. Оп. 1-1840. Д. 4. Л. 8, 10.

²⁹ Там же. Л. 49.

³⁰ НА РК. Ф. 36. Д. 67/26. Л. 1.

и Бессарабской области и от архангельского вице-губернатора.³¹

Распоряжение по запросу Академии наук земским начальникам и городничим было разослано олонекским губернатором уже 2 апреля 1846 г., но сбор самих сведений оказался неудовлетворительным. Желавших ознакомиться подробно с тем, как это происходило и почему собранные полицейскими чинами сведения о карелах оказались малорезультативными, отсылаем к работе А. М. Пашкова.³² Однако позволим себе сделать несколько замечаний по поводу этой работы. Акцентировав внимание на высокой степени компетентности чиновников горного ведомства, оперативно собравших сведения о численности карел и вепсов в Петрозаводском уезде, автор, к сожалению, не придавал значения тому, что губернатор ввел в курс дела и Олонецкую палату государственных имуществ, а ведь ее участие явно просматривается в использованном им архивном деле.³³ Правда позже А. М. Пашков все-таки оговорился, что сведения именно этой палаты были положены в основу статистических «выкладок» П. И. Кёппена об «инородцах» в Олонецкой губернии при публикации в 1852 г. «пояснительной записки» к первому изданию этнографической карты 1851 г. Воспроизведем нужный фрагмент этой записки, чтобы еще раз показать, как настойчиво применял термин «инородцы» в своей переписке и публикациях П. И. Кёппен.

Главной целью этой записки, писал Кёппен, было дать отчет, «как для этой карты собирались нужные материалы и как она составлялась». В частности, он сообщал, что сведения «о числе чуди и карелов в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии» он получил от «г. начальника штаба Корпуса горных инженеров генерал-майора В. Е. Самарского-Быховца. По всем прочим уездам сведения об инородцах ... получил от г. управляющего тамошней палатой государственных имуществ. Проверка этих сведений донныне еще продолжается при содействии г. лектора карельского языка в Олонецкой духовной семинарии В. В. Ильинского».³⁴ Очевидно, что В. Е. Самарский-Быховец получил необходимые сведения по Петрозаводскому уезду от заводского правления, так как они уже были собраны

по просьбе олонекского губернатора заводскими чиновниками в 1846 г.³⁵

О том, как собирались подобные сведения по другим уездам губернии, Кёппен подробно писал в «пояснительной записке» к третьему изданию этнографической карты, которая, к сожалению, не попала в поле зрения А. М. Пашкова. Думаю, что эти «пояснительные записки» могли бы быть полезны не только для него в целях более точного анализа количественного состава нерусского населения губернии, но и для лингвистов, которые могли бы увидеть, как понимал и уточнял для себя Кёппен, что такое «язык олончан», каковы ареалы распространения этого диалекта карельского языка, а также вепского («чудского») языка.³⁶ Кстати, в связи с этой публикацией остается открытым вопрос о том, действительно ли Кёппен не пользовался при составлении этнографической карты 1851 г. сведениями, собранными олонекскими губернаторами Х. Х. Повало-Швейковским и Н. Э. Писаревым, как предполагает А. М. Пашков, так как сам Кёппен утверждает обратное.³⁷ Из комментария Кёппена к третьему изданию карты следует обратить внимание еще на одну важную деталь: ведомость, которую представил в январе 1850 г. в Академию наук губернатор Н. Э. Писарев, называлась «Означение племен инородцев, городов, уездов и деревень, где они обитают».³⁸ Таким образом, можно заключить, что олонецкая губернская администрация вынуждена была смириться с тем, что все нерусское население губернии теперь следовало относить к «инородцам», ведь этого требовало МВД. Это не оговорка: первоначально сведения о численности «инородцев» Н. Э. Писарев подал министру внутренних дел в представлении от 6 февраля 1849 г. Это был его ответ на замечания, высказанные министром в предписании от 10 октября 1847 г. по поводу присланного им в МВД отчета за 1847 г. Среди них было и такое: «... в статье об инородцах нужно показать хотя приблизительно число корелов»³⁹ (для справки: по мнению В. М. Кабузана, в формуляре ежегодного губернаторского отчета эта статья появилась в 1842 г.).⁴⁰

³⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 67/26. Л. 48–64.

³⁶ См.: Кёппен П. И. О третьем издании этнографической карты Европейской России. СПб., 1856. С. 6–10.

³⁷ См.: Пашков А. М. Указ. соч. С. 132; Кёппен П. И. О третьем издании... С. 9.

³⁸ Кёппен П. И. О третьем издании... С. 7.

³⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 8/4. Л. 48; Пашков А. М. Указ. соч. С. 117.

⁴⁰ Кабузан В. М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII — начале XX в. (1719–1917 гг.). М., 2008. С. 153.

³¹ СПФААН. Ф. 2. Оп. 1-1840. Д. 4. Л. 5, 27; Кабузан В. М. Народы России... С. 70–71.

³² Пашков А. М. Указ. соч. С. 110–117.

³³ См., напр.: НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 67/26. Л. 29–30, 43–47, 55–56.

³⁴ Кёппен П. И. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1852. С. 11–12; Пашков А. М. Указ. соч. С. 131.

В своем предписании от 19 и 28 октября 1848 г. окружным начальникам и земским исправникам только что вступивший в должность олонекского губернатора Н. Э. Писарев не только сообщал, что министру внутренних дел «угодно иметь сведения о числе обитающих во вверенной мне губернии карел и других инородцев», но и пересказывал, как министру видится способ собирания достоверных сведений: «Имея в виду, что требуемые в 1846 г. сведения о инородцах представлены были неудовлетворительные от того, что земские исправники, на которых это было возложено, не имели достоверных исчислений и затруднялись в изыскании средств к получению их, тогда как настоящий предмет может быть объяснен самым простым и очевидным способом: следует только поручить волостным головам собрать требуемые сведения», а те, в свою очередь, «передадут приказ» частным и сельским начальникам, которые знают «почти наперечет, кто из местных жителей чисто-русский и кто принадлежит к инородцам». В заключение губернатор требовал доставить сведения о карелах, обитающих в уездах, по специальной программе.⁴¹ Вторым пунктом этой этнографической программы был, между прочим, язык.

К сожалению, в поле зрения А. М. Пашкова также не попали сделанные в апреле 1848 г. I Департаментом МГИ Олонекской палате госимуществ замечания по результатам проверки ее отчета за 1846 г. В частности, было отмечено, что палата «во многом отступила от формы при составлении ведомости о народонаселении, не сделав разделения, т. е. не показала числа ревизских душ по состоянию и по племенам, как это требуется формой».⁴² Такое хронологическое совпадение замечаний, последовавших от МВД и МГИ на годовые отчеты своих местных учреждений, не может быть случайностью. Предполагаю, что за ними мог стоять один и тот же человек, а именно П. И. Кёппен, который к этому времени не только занял прочные позиции в МГИ, но и приступил к завершаю-

щей стадии создания своей этнографической карты, начав «показывать» на ней племена, проживавшие в европейской части Российской империи, «различными красками».⁴³

Как же отреагировала на сделанное замечание Олонекская палата госимуществ? В своем отчете за 1849 г., в отделе V («повинности колонистов и инородцев»), она, как это делала и раньше в своих отчетах,⁴⁴ повторила, что таких в губернии нет, но при этом в комментариях к «ведомости о народонаселении» указала, что всего в ведомстве палаты (в 4 округах) числится на 1 января 1849 г. 76 044 мужчины и 82 067 женщин, в том числе «по племенам»: коренных русских — 61 107 м. и 66 527 ж. (на 1 января 1850 г. наличных: 71 714 м. и 76 001 ж.); карел — 10 959 м. и 11 493 ж. (наличных: 12 717 м. и 12 364 ж.); чуди — 466 м. и 470 ж. (наличных: 743 м. и 781 ж.); финнов — 3 443 м. и 3 489 ж. (наличных: 5 397 м. и 5 497 ж.) и цыган — 69 м. и 88 ж. (наличных: 81 м. и 97 ж.).⁴⁵ По-видимому, местные чиновники МГИ пока еще разделяли представленное в МВД 6 февраля 1849 г. губернатором Писаревым объяснение: «О числе инородцев никаких отдельных сведений в губернии не содержится, потому что никто из них ни в правах состояния, ни в платеже податей и других окладных сборов, ни в предметах отправления всякого рода повинностей от прочих местных жителей ничем не отделяются, а все состоят на одном общем положении с прочими обывателями и все вероисповедания православного, даже в образе жизни, занятиях и промышленности они ничем не отличаются от русских жителей, кроме собственного наречия...»⁴⁶ В формально-юридическом смысле, безусловно, был прав губернатор.

Все вышесказанное позволяет заключить, что уже в 1840-х гг. П. И. Кёппен «запустил» в делопроизводственную переписку министерских и губернских чиновников термин «инородцы», распространяя его на все нерусские народы, проживавшие в европейской части России (в том числе на карелов Олонекской губернии). И произошло это на 20 лет раньше, чем предположил Джон Слокум.

⁴¹ А. М. Пашков предположил, что эта программа была составлена Академией наук (см.: Пашков А. М. Указ. соч. С. 118). Я же думаю, что речь идет о программе, составленной в РГО в 1846 г. Н. И. Надеждиным, которая была разослана в 1847 г. в количестве 7 тысяч экземпляров по всему государству. И хотя программа была ориентирована на сбор сведений о русской народности, она применялась, по мнению исследователей, и для описания «инородцев» (см., напр.: История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества... С. 37, 38; Оглезнева Т. Н. Изучение народов северо-восточной Азии. 1845–1917 г. Новосибирск, 1994. С. 20, 21).

⁴² НА РК. Ф. 33. Оп. 8. Д. 36/104. Л. 52–53.

⁴³ Красникова О. А. Из истории... С. 91.

⁴⁴ См., напр., отчеты за 1845 и 1846 гг. (НА РК. Ф. 33. Оп. 8. Д. 18/55. Л. 9; Д. 21/66. Л. 9).

⁴⁵ Там же. Д. 42/126. Л. 18, 151–152.

⁴⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8/4. Л. 48; Пашков А. М. Указ. соч. С. 129.

Viktoriya V. Efimova

Candidate of Legal Sciences, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk)

E-mail: efimova1870@rambler.ru

WHO AND WHEN ALIENATED THE KARELIANS?

This article is an effort to specify the chronological framework of the formal “diffusion” of the term “non-Russians”, established by John Slocum, who believes that the alienation process began in 1835, when the Jews were classified as the “non-Russians”, and continued during the second half of the 19th century in connection with the professional activities of a Russian enlightener Nikolay Ilminsky, who worked as a teacher in the Volga-Ural region since the 1860s. We agree only with the first part of Slocum’s statement, since we believe that the term “non-Russians” was further diffused as early as in the 1840s. In order to prove our point, we have used the case of the Olonets Province Karelians, identifying when and by whom they were attributed to the non-Russian population. As a result of our research efforts, we have come to the following conclusions: 1) there were no technical (i. e., formal legal criteria) to classify the Karelians as the non-Russians; 2) they were classified as such in the early 1840s by Peter von Köppen, who worked in the Ministry of State Property and the St. Petersburg Academy and at that time was collecting materials for creating the first ethnographic map of the Russian Empire; 3) for classifying the Karelians as the non-Russians Köppen used all the official channels available to him – the Ministry of the Interior, the Ministry of National Education, the Ministry of State Property, the Academy of Sciences and the Russian Geographical Society; 4) it was Köppen, not Ilminsky, who introduced the term “non-Russians” into the official correspondence of ministries and governing agencies of the “Great Russian provinces”, using language as the main criterion.

Keywords: *non-Russians, Olonets Province Karelians, Peter von Köppen, annual report form*

REFERENCES

- Avdeeva O. A. *Sudebnaya sistema vostochnoy Sibiri v XVII – 1-y polovine XIX v.: sravnitelnyy analiz obshcheimperskogo i regionalnogo zakonodatelystva. Dis. ... kand. yurid. nauk* [The judicial system of the Eastern Siberia in 17th – the 1st half of the 19th centuries: a comparative analysis of empire-wide and regional legislation. Dissertation ... cand. legal. sciences]. Ekaterinburg, 2001. 189 p. (in Russ.).
- Druzhinin N. M. *Gosudarstvennye krestyane i reforma P. D. Kiseleva* [State peasants and P. D. Kiselyov’s reform]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1946. 635 p. (in Russ.).
- Dzherasi R. *Okno v Yevropu: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window to Europe: The empire, orientalism, the nation and religion in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 538 p. (in Russ.).
- Kabuzan V. M. *Narody Rossii v 1-y pol. XIX v.: chislennosty i etnicheskyy sostav* [The people of Russia in the first half of the 19th century: number and ethnic structure]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 216 p. (in Russ.).
- Kabuzan V. M. *Rasprostraneniye pravoslaviya i drugikh konfessiy v Rossii v XVIII – nachale XX v. (1719–1917 gg.)* [Distribution of Orthodoxy and other faiths in Russia in the 18th – the beginning of the 20th centuries (1719–1917)]. Moscow: Institut istorii RAS Publ., 2008. 272 p. (in Russ.).
- Kalinina Ye. A. *Ob obuchenii inorodtsev v russkikh shkolakh 1-y pol. XIX v.* [About training of foreigners at the Russian schools first half of the 19th century]. *Finno-ugorskie yazyki i kulytury v sotsiokulyturnom landshafte Rossii* [Finno-Ugric languages and cultures in a sociocultural landscape of Russia]. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2014, pp. 346–349. (in Russ.).
- Khartanovich M. F. *Uchenoe soslovie Rossii. Imperatorskaya Akademiya nauk vtoroy chetverti XIX veka* [Scientific estate of Russia. Imperial Academy of Sciences of the second quarter of the 19th century]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999. 222 p. (in Russ.).
- Kirkinen Kh. *Istoriya karelynskogo naroda* [History of the Karelian people]. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 1998. 322 p. (in Russ.).
- Krasnikova O. A. *Iz istorii sozdaniya etnograficheskoy karty Yevropeyskoy Rossii* [From history of creation of the ethnographic map of the European Russia]. *Iz istorii Sankt-Peterburgskoy gubernii. Novoe v gumanitarnykh issledovaniyakh. Sbornik nauchnykh trudov* [From the history of the St. Petersburg province. New

in humanitarian researches. Collection of scientific works]. St. Petersburg: Izd-vo SPb. Uni. Publ., 1997, pp. 84–96. (in Russ.).

Krasnikova O. A. *Osnovnye napravleniya razvitiya etnicheskogo kartografirovaniya v Rossii* [The main directions of development of ethnic mapping in Russia]. *Pronikновение i primeneniye diskursa natsionalnosti v Rossii i SSSR v kontse XVIII — pervoy polovine XX vv.* [Penetration and application of a discourse of a nationality in Russia and the USSR at the end of 18th — the first half of the 20th centuries]. Tartu, 2011, pp. 29–60. (in Russ.).

Oglezneva T. N. *Izuchenie narodov severo-vostochnoy Azii. 1845–1917 g.* [Studying of the people of north-east Asia. 1845–1917]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994. 176 p. (in Russ.).

Pashkov A. M. *Karelyskie prosvetiteli i kraevedy* [Karelian educators and local historians]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2010. 446 p. (in Russ.).

Pribaltiysko-finskie narody Rossii [Baltic-Finnish people of Russia]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 671 p. (in Russ.).

Pulykin M. V. *Yazykovedy v rjasakh: pravoslavnye svyashchenniki v roli issledovateley yazykov korennykh narodov Yevropeyskogo Severa Rossii (XIX — nach. XX v.)* [Linguists in cassocks: orthodox priests as researchers of languages of indigenous people of the European North of Russia (19th — the beginning of the 20th centuries)]. *Etno-zhurnal*, 2011, 24 maya. Available at: <http://www.ethnonet.ru/etnografiya/jazykovedy-v-rjasah-pravoslavnye-svjashchenniki-v/> (accessed 23.12.2015). (in Russ.).

Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala. Rossiya i малыe narody Severa* [Arctic mirrors. Russia and small peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 512 p. (in Russ.).

Slokum D. *Kto i kogda byli «inorodtsami»? Evolyutsiya kategorii «chuzhie» v Ros-siyskoy imperii* [Who and when were “foreigners”? Evolution of category “strangers” in the Russian Empire]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii: raboty poslednikh let* [The Russian Empire in a foreign historiography: works of the last years]. Moscow: Novoe izdatelystvo Publ., 2005, pp. 502–534. (in Russ.).

Zagrebin A. Ye. *Finno-ugorskie etnograficheskie issledovaniya v Rossii (XVIII — pervaya polovina XIX v.)* [Finno-Ugric ethnographic researches in Russia (18th — the first half of the 19th centuries)]. Izhevsk: UIIYaL, UrO RAS Publ., 2006. 324 p. (in Russ.).